

ЗНОЙНЫМ летом 1917 года ехал я на открытой железно-дорожной платформе из Уфы в Челябинск. Расстрел польской демонстрации в Питере уже совершился, правительство Керенского вело беззастенчивую травлю большевиков; на политическом горизонте обозначился грозный призрак хорроризма. Наша платформа была гружена мелким речным песком, лежать на нем было мягко, и во время разговора его невольно пересыпали из руки в руку. А разговор не прекращался, тот разговор, который происходил в то время во всем эшелоне — по всей России, — горячо обсуждали текущие политические события. Солдаты, в большинстве своем возвращающиеся из госпиталей, говорили о Корнилове как о главном враге: он уже ввел смертную казнь на фронте, он угрожал железнодорожникам военно-полицейскими судами.

— Все большевики лгут, — ну гляди, кто кого поймают! — провозгласил пожилой железнодорожник, темноволосый, с проседью в усах.

На первой же остановке железнодорожник сошел, а разговор продолжался. Наш поезд, длинный-предлинный, тянулся вверх на Урал-Тау — ради одного этого стоило проехать на открытой платформе! Здесь земля видна вокруг все шире и шире, дует вольный ветер и родной запах хвой и горных трав наполняет легкие.

Общим вниманием на нашей платформе овладел старик в черной поддевке и черной рубашке, фигура искони здешняя, старовос-натечник.

— А они провалили себя большевики, потому что хотят быть старшими в народе, а Ленин их по нашим старшим святым книгам учил... — бурчит он.

— Не то ты, дедка, говоришь, — с досадой перебивает старовос солдат. — Нам в госпитале, в Уфе, толковал один товарищ из Совета депутатов: Ленин — это ученик Челова, самого Карла Маркса ученик! Была раньше одна партия — социал-демократы, а вот теперь разошлись на две: меньшие хотят дать народу поменьше, чтобы богатых не обидеть, а большие хотят дать народу побольше, — все хочет отдать!

И солдат брызжущим жестом обводит рукой всю эту широкую, бугром поднимавшуюся местность, по которой пролегает граница между Европой и Азией, — и по обе стороны беспредельная Россия...

1. Малограмотными, а то и совсем неграмотными застала революция народы нашей страны. А бурный ход революционных событий все нарастает, их нужно было понять, истолковать, и народное сознание искало в самой смысле-глубине новых, вошедших в жизнь слов, правильного объяснения событий.

И одно слово «большевики» толковали как «большаки» — старший в дому или артели, но чаще истолковывали вроде того, как тот возвращавшийся из госпиталя куравлей солдатик, который с вышины Южного Урала своим широким и шедрым русским жестом, размахнувшись на весь мир, перешел слушателю самую суть программы большевистской партии — все передать народу.

В те незабываемые месяцы 1917 года потеряли доверие народа многие политические, хотя и называвшие себя демократическими, социалистическими и революционными, а по существу реакционными партиями. И только партия большевиков, едва выйдя из глубокого подполья, смогла выдержать все испытания. У нее, у этой партии, слово не расходилось с делом!

В боях с капитализмом и самодержавием выковала наша партия свой боевой устав, благодаря которому и стала она оружием массовой борьбы пролетариата. Организационные принципы этого устава получили название демократического централизма.

Много было в начале революции партий, истинно кричавших о России и патриотизме, но народ пошел за большевиками, потому что понял: в условиях смертельной опасности, угрожающей самой независимости Русского государства, которое стремились раздробить на части империалистические хищники, только эта партия действительно заботится о целостности страны, об интересах трудящегося народа.

И народ пошел за большевиками, совершив Великую Октябрьскую революцию, разбил белые армии и войска чепухащати держав и вновь накрепко установил границы нашего Отечества. Наименование «большевики» вошло в сознание народа, и это слово в его русском обличии, так же как и слово «Совет», было усвоено народами всего мира. Слово «большевики» слилось воедино с образом истинных, борющихся за коммунизм пролетарских революционеров. Тот же, кто основал нашу партию и Советское государство, — Владимир Ильич Ленин по всему своему облику и душевному чертам стал воплощением народного представления о великом человеке.

И после его смерти, из глубины потресканного горем народа, поднялся ленин-

ский призв — широчайшее движение, охватившее лучших людей рабочего класса, захотевших в час великой утраты прийти на помощь партии, созданной Лениным, помочь ей в осуществлении в нашей стране социализма и показать народам всего мира, как надо бороться за коммунизм и как строить его.

И никакая самая «совершенная» буржуазная конституция не могла обеспечить такого полного волеизъявления народа, какое сам народ выразил, оказав в процессе революционной борьбы величайшее доверие большевистской партии, пойдя за ее лозунгами и поддержав ее политику.

2. ...Я уже не молод, и большая часть моей жизни осталась позади. Но я надеюсь, что за оставшиеся мне годы жизни смогу рассказать молодежи о том, чему свидетелем и скромным участником мне довелось быть. Мне хочется рассказать о том, как в двадцатых и тридцатых годах большевистская партия, вопреки саботажу и измене прямых приспешников буржуазии — шахтинцев и промпартии, вопреки просякам иностранных империалистов, восстановила хозяйство нашей страны, одновременно в непрестанной идейной борьбе преодолевая крикливо и обманную демагогию троцкистов и сонную оудру проповедей правых уклонистов.

Ленин не напрасно завещал нам плуце ока хранить единство партии, не напрасно, по его предложению, в случае, когда партия грозил бы раскол, должен был быстро собираться пленум Центрального Комитета, имеющий право укротить зарвавшегося уклониста и в случае необходимости не только вывести раскольника из ЦК, но и исключить его из партии. Так гениальная предусмотрительность Ленина продолжала служить делу единства нашей партии даже после его смерти. И рабочий класс в эти, исполненные идейной борьбы, годы оставался верен своему учителю.

С волнением вспоминаю я, как в 1927 году на старинных текстильных предприятиях Москвы обсуждалась цифра капитализации на 1928/29 год, первый год первой пятилетки, и старые ткачихи и прядильщицы голосовали за то, чтобы богатства, которые они своим трудом зарабатывали для государства, отдали бы на создание тяжелой и легкой промышленности.

И снова под испытанным водительством своей партии вступил советский народ в новый героический период своей истории, поддержав план великих работ первой пятилетки. Это были незабываемые годы...

Все произошло в движении в великой стране, небыло вырост рабочих класс, вчера еще разрозненное мелкобуржуазное крестьянство научилось работать в коллективе, применяя передовую агротехнику. Народы при царизме косневшие под игом диких феодалов и царских чиновников, поднимались на высокий уровень культуры, по примеру русского народа усваивали социализм.

И все это совершалось на глазах моего поколения, на моих глазах. И обо всем этом нужно рассказать молодежи, чтобы ей был навсегда ясен тяжелый и доблестный путь, пройденный страной социализма в небывало краткие сроки, — иных сроков нам не дала история!

Так образовался новый, никогда не виданный народ — советский, социалистический народ, с его особой, глубокой отличной от жизни народов капиталистического мира, жизнью. Идея Коммунистической партии вошла в сознание народа, они пропитали всю его жизнь.

М. Стелмаха. «Кров людская — не вода!», «Жюльен», 1957, №№ 1, 2, 3, 4. «Кров людская — не вода!», «Дружба народов», 1957, №№ 3, 4, 5.

Большое новоселье вот уже несколько лет подряд не прерывается у текстильщиц фабрики имени Фрунзе.

Когда три года назад в новом восьмизатном доме девяносто девять семей получили жилье, кое-кто на фабрике говорил:

— Ну, один дом сделали, теперь подождем добрых пяти лет.

Но уже в следующем году сорок шесть семей получили ордер на вселение в дома, построенные Московским и районными Советами. А этой весной в одиннадцатизатном доме, который строится Московским Советом, вселились еще 38 семей. В то же время жилищная площадь рабочих, переехавших в новые дома, представлялась одиоким и малосемейным.

Мы поехали на дому у кадровой прядильщицы, работает менее пяти тысяч людей. Короче говоря, почти каждый из десяти работающих справлял новоселье. Наши люди называют последние три года временем большого новоселья.

Мастера Надежды Михайловны Якушиной, работающей на фабрике четверть века. Вместе с дочерью, студенткой медицинского института, она живет в светлой, теплой, уютно обставленной квартире.

— Многие кадры работники получили такие же комнаты и квартиры в нашем доме, — рассказывает Надежда Михайловна. — Да не только кадры, и молодые справляли новоселье. Больше это дело — хорошая квартира! В новом жилье человек по-новому живет. У нас на фабрике филиал института открылся, свой техникум есть, различные курсы. Стала охотнее поступать на них, таятся к учебке потому, что в хорошем жилье — отдыхать приятно, заниматься можно. А главное, он и паровое отопление освободили от многих забот.

В квартире другого дома, где побывали мы, в эту пору выполняла домашние задания студент четвертого курса фабричного филиала текстильного института, мастер Виктор Васильевич Крайнов. Десять лет назад он пришел на фабрику по-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 85 (3741)

Вторник, 16 июля 1957 г.

Цена 40 коп.

ЕДИНСТВО

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Единство народа и партии стало нерушимым законом советского общества.

В 1943 году в прифронтовой полосе на Орловщине старики крестьяне, читая фашистскую листовку, сброшенную с самолета и содержавшую призывы бить коммунистов, с недоумением спрашивали: — Кого же нам бить? Сынов наших?

Они спрашивали так потому, что мало у нас таких семей, где не нашлось бы коммуниста или комсомольца. Спрашивали так потому, что образ коммуниста — учителя и последователя Ленина, стал за годы революции выражением народно-го представления о лучших качествах человека.

3. Каждый из нас, советских людей, начинает свой день с чтения газет. Мы прежде всего просматриваем глазами телеграммы и статьи о международном положении и убеждаемся, что правительство наше все силы свои прилагает к тому, чтобы устранить причины, обуславливающие опасность войны, и обеспечить нашему народу мирный социальный труд. Этот социальный труд является главным содержанием наших газет. О нем рассказывают нам сообщения с предприятий, вести с полей и целинных земель, телеграммы с полей и рощ, о школьных и заводских успехах.

С тревожным и заинтересованным чувством следим мы день за днем за жизнью нашего государства. Мы, равные граждане нашей страны, не можем не ощущать, что за последние три года дела в сельском хозяйстве настолько налажились, что есть возможность поставить реальную задачу достичь в ближайшие годы США по производству масла, молока и мяса на душу населения.

(Окончание на 2-й стр.)

Любая мне радость прискрывается, постигнет любая невзгода, — никогда на забуду друзей и товарищ тридцатого года, тех, кто жили в горячей бесконнице на напряженней, в каждый день выходили упрамо, как ходят в сраженые. Вы, в холщовых рубахах, в седых сапогах из брезента, все дороги узнали от Мурманска до Ташкента.

На африканской границе и на китайской границе видел я ваши солнцем сожженные лица. Вы, строители, гидротехники, агрономы, были в каждом ауле, в kibитке и в юрте как дома.

Это русские люди — как нас называли — Иваны рыли в снежной Сибири, в казавской степи котлованы, шахты stool опускали, крутили подъемные краны.

Через четверть столетия их юные лица

ДРУЗЬЯМ ТРИДЦАТОГО ГОДА

В. ЛУГОВСКОЙ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Иваны принесли подмогу и братство в забытые страны, помогали расти государствам в их самом начале, и достойную помощь по-братски от них получали.

Это русские люди — как нас называли — Иваны в пированье невзгод, что друзьям моим щедро досталось, где от зноя и холода в горле хрипела усталость.

Это русские люди — как нас называли — Иваны перекрестили цехов поднимали в степные бурани, удаляясь рукам своим мудрым,

терпению и силе. И за это подвечку у жесткой судьбы не простили.

Это русские люди — как нас называли — Иваны с нивелиром прошли водоэмы, хребты и барханы. Ницему не сдавались, за дело стояли горою, никогда не узнав, что они-то и были героями.

Это русские люди — как нас называли — Иваны

актеры несли на экраны. Это русские люди — как нас называли — Иваны на грохочущий празднички работ были первыми званы — в пированье невзгод, что друзьям моим щедро досталось, где от зноя и холода в горле хрипела усталость.

Это русские люди — как нас называли — Иваны перекрестили цехов поднимали в степные бурани, удаляясь рукам своим мудрым,

терпению и силе. И за это подвечку у жесткой судьбы не простили.

Это русские люди — как нас называли — Иваны с нивелиром прошли водоэмы, хребты и барханы. Ницему не сдавались, за дело стояли горою, никогда не узнав, что они-то и были героями.

Это русские люди — как нас называли — Иваны

арми́йские могилы... поднимают с лід землі.

Средней искренностью и правдой, с редкой психологической глубиной изображает М. Стелмаха детей, которых немало на страницах романа. И неспроста! Мы знаем, открывая книгу, каким путем пойдут эти дети, мы знаем, что завещали они отцы. Как заботлива и проста, например, Настя, девчоночка-хозяйка, дочь Мирошниченко, которая от отцовской ласки склоняет голову, как виноватая.

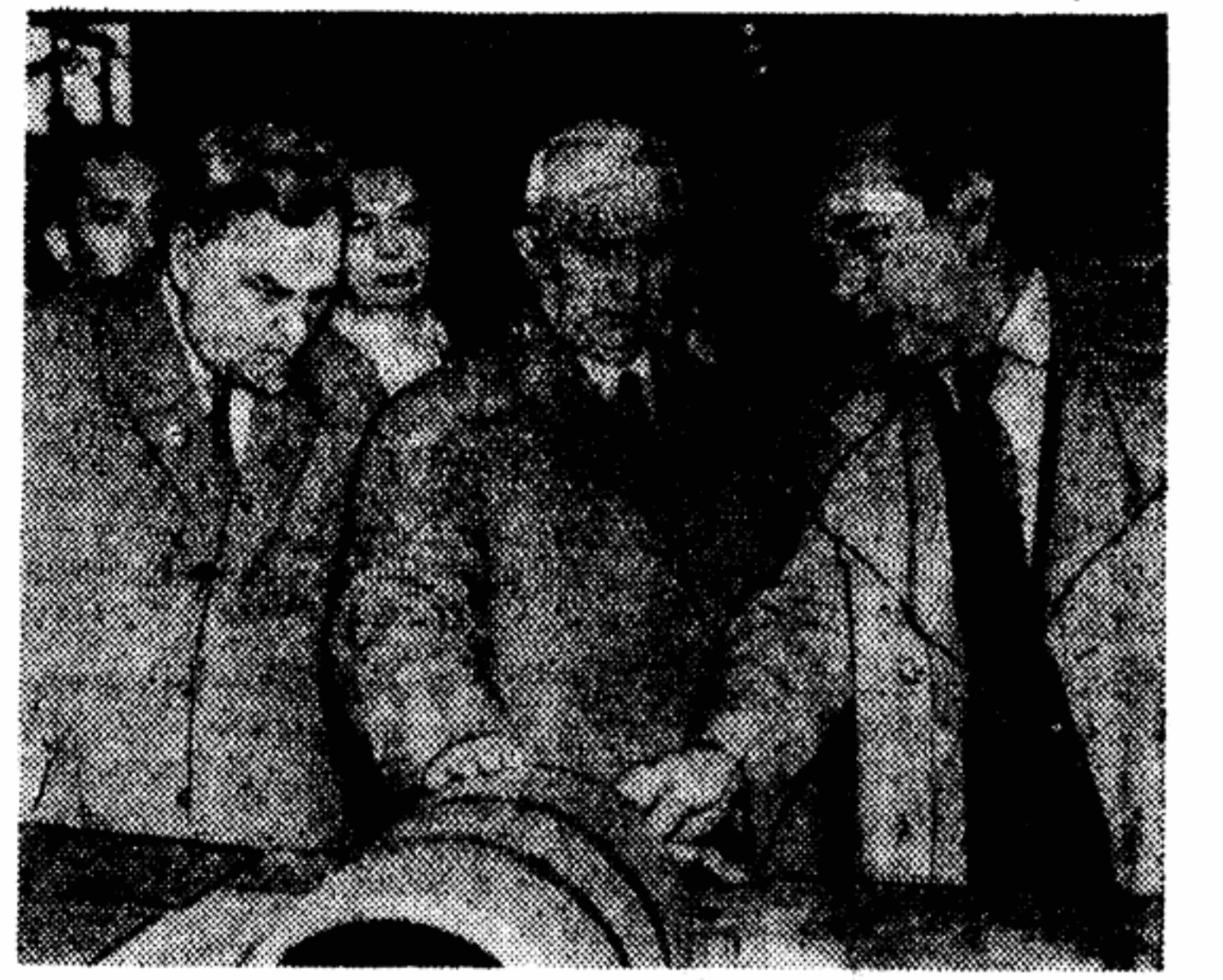
«Так нахлыла перед ним голову и його дружина. Навить не вид матери перебило». А Василину Подпопригора, которая лучше отца знает, что сейчас случится в хату не бандиты и незачем пугаться, Василину, горячая желанием разгадать тайны взрослых — и что это у всех у них тайны, вот она будет у нее перед людьми! А шестилетний Левко, звонкой песней про соловья зарабатывающий право прокатиться на мотоцикле! А серьезный и работящий подросток Дмитрий, о котором уже с девичьим волнением думает Настечка! Нельзя же любить детей, живущих в новом мире. М. Стелмаха, как нельзя не любить и не уважать Гаврику из повести В. Катаева «Беллет парус одинокий». И потому трудно дышать — от ужаса, от жалости и гнева, когда бандиты врываются в дом Мирошниченко и, не оставив детей, убивают детей, Настечку и Левко. И даже не бандиты, а кулак Сичарь убивает. «Короткие два пострели — и дитя час в розвязаной торби Сичаря выпала хлибна, колосом конитсь до дітей и падае на долівку, де вже темніе дитячя крик і розчавлені ягоди. Сичарь з наганом у руці кидается до хлибники, підймає її, думаючи, як краще її впукувати у торбу.

Худощий бандит, який не мало загубив людських душ і звик до убивства, як до ремесла, подивився на нього своїми різкими очима:

— Збідніш на цей хліб? — Це вже не хліб, а докана, — відповідає Сичарь і гадом выслизає з хати».

В центре романа М. Стелмаха поставлены люди изумительной душевной красоты — Свирид Мирошниченко, бывший матрос, председатель ко-

У НАС ОБЩАЯ ЦЕЛЬ

ПРЕБЫВАНИЕ в Чехословакии Партийно-правительственной делегации СССР подходит к концу. Члены делегации побывали за последние дни в Братиславе, Остраве, в Брно. Они выступили на митингах, беседовали с рабочими и крестьянами, инженерами и техниками.

Мне не раз приходилось слышать: «Не хватает слов, чтобы выразить огромное волнение и радость, которые охватывают нас при этих встречах, трудно описать горячую любовь чехословацкого народа к Советскому Союзу». Так говорили сотрудники научно-исследовательского института сварки в Братиславе, металлурги комбината имени Кlementa Готвальда в Остраве, рабочие заводов имени Яна Шварцы в Брно и всех других предприятий, которые посетили члены делегации.

Визит советской делегации в Чехословакию отмечен не только торжественными встречами. Живо бьется в эти дни мысль рационализаторов, трудовой подвиг охватил рабочих всех заводов и фабрик. Коллектив швейной фабрики «Планар» в Праге добивается экономии производства за счет снижения накладных расходов на 1240 тысяч крон и за счет повышения качества продукции на 75 тысяч крон. Больше миллиона крон обещали сэкономить рабочие бумажной фабрики в Лувковице. И таких примеров сотни. Не только на гигантах чехословацкой индустрии, но и на мелких фабриках и заводах рабочие хотят внести свою долю в общее дело.

Представители советского народа скоро покинут чехословацкую землю, но никогда из памяти трудящихся Чехословакии не изгладятся эти дни радостных встреч, они еще раз продемонстрировали всему миру нерушимое единство наших народов, бок о бок идущих к общей цели — к победе социализма и коммунизма.

П. ПРОНИН
Прага, 15 июля. (По телефону)
На снимке: Н. С. Арушев и Н. А. Вулганин в одном из цехов научно-исследовательского института сварки в Братиславе.
Фото В. Соболева

В ЛУКАШЕВИЧ В БОРЬБЕ ЗА СЧАСТЬЕ

НА ПЕРВОЙ странице нового романа М. Стелмаха вы еще способны отвлечься, отложить книгу, заговорить с окружающими. Но уже на третьей забываете обо всем: вас обступают образы, то страшные, то восхищающие, то милые, рождающие ласковую улыбку, то вызывающие гнев и ненависть. И не с помощью сюжетных узоровней завладевает М. Стелмаха читателем, а живой правдой изображенного, рассказом о человеческих судьбах, о жизни, смерти, переживаниях, надеждах... Уже на второй странице романа старая Богданка над телом сына Василина не говорит, но, обумевшись от горя, тихо-тихо заводит пасхальную пещу своего детства:

Першим часом васили садила, Гей, гей васили садила. Другим часом поливала, Гей, гей поливала. Третім часом цвіт зрвала, Гей, гей цвіт зрвала.

По драматической силе повествования, по смене лирического и трагического роман М. Стелмаха напоминает книгу М. Шолохова. Но М. Стелмаха все время с первой же строки остается своеобразным, самостоятельным мастером. В его манере — прежде всего ярке, живописные, быть может, даже чутковы рисованные сравнения. Он, например, пишет: «Червоны й куці, мов осінні членові листки, руки»; «придогоні, нагнути в один бік вероі зеленими руками припадали до Василя, востане осипали на його обличчя осінній шум і гиркуваті слюзы»; а когда Данила Подпопригора — бывший петлюровец — возвращается ночью в родную деревню, он потными солеными устами принимает к сматому полю, — на него лице смешивает роса и слезы:

«— Земле, прости мені за все, мініше притуляється до її грудей»; и дальше — в глубине ночи машет весельями крылами высокий ветряк, и Данила додумает, что никогда не видел в ночи таких чистых облаков и не ждал, что может так взволновать простой ветряк, «я добра птиця, яна тягнеться крылами і до місяця і до землі».

Горе настигло Дкою: ей пришлось схоронить мужа, Тимофея Горичвета, убитого кулаками. Но для миллионов украинских крестьян сбылась простая мечта о мире, и счастье, и солнце... которое «червоно-

Можно не сомневаться и в том, что на всю жизнь сохранит в памяти уминый и храбрый мальчик Дмитро Горичвет твердые слова Свириды:

Прислухався, хлопце, до таких розмов (речь идет о союзе рабочих и крестьян. — В. Л.). Да духи парті про життя нають Свириду, що він, распрелая скут с панского двора, не внял себе коровы — было бы молоко для Левко и Настечки! Мирошниченко безстрашно правдив со всеми и очень спокоен. В его поведении ощущается уверенность и силу, которые может дать только сознание великой справедливости своего дела. Он действительно — вояк, коммунист. К Мирошниченку должны идти — и идут — за советом, за помощью, за поддержкой и утешением все, вплоть до зайничконого Супруна. И с каждым он говорит открыто, прямо, по-партийному. Для каждого находит самое верное слово... Вот жена красноремеца Ульяна, подирав заплаканные глаза, спрашивает: а не убит ли ее муж? и не ридит ли она сироту? Может, лучше пойти в закарне-бабе...

«— Хто його, жінко добра, заб'є? — аж кулаком тромаю. — Та твій Денис, чуєш, самого Врангеля в Чорному морі втопнів. Ти що, свого Дениса не знаєш?»

«— Та знаю...»

Но, пожалуй, ярче всего раскрывается дивная красота этого человека, сельского коммуниста, в сцене, когда вскоре после зверского убийства Настечки и Левко приходит к нему жена Данилы Подпопригоры, бывшего петлюровца, недавнего врага, которого сейчас арестовала губчека. И Свирид Мирошниченко находит в себе силы поверить этой женщине с грудным младенцем на руках, поверить, что Данила действительно раскаялся, а не приниулся, чтобы вредить.

Закончилась декада русского искусства и литературы в Кабардино-Балкарии

ДЕСЯТЬ замечательных праздничных дней! Народ орденаносной республики, торжественно отмечающий 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России, сердечно встретил московских писателей и поэтов.

Начиная с первого дня декады, которая открылась большим литературным вечером в зале Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР, и кончая праздником литературы и искусства, состоявшимся солнечным днем на республиканском стадионе, посланцы русской советской литературы были в центре внимания рабочих колхозников, интеллигенции.

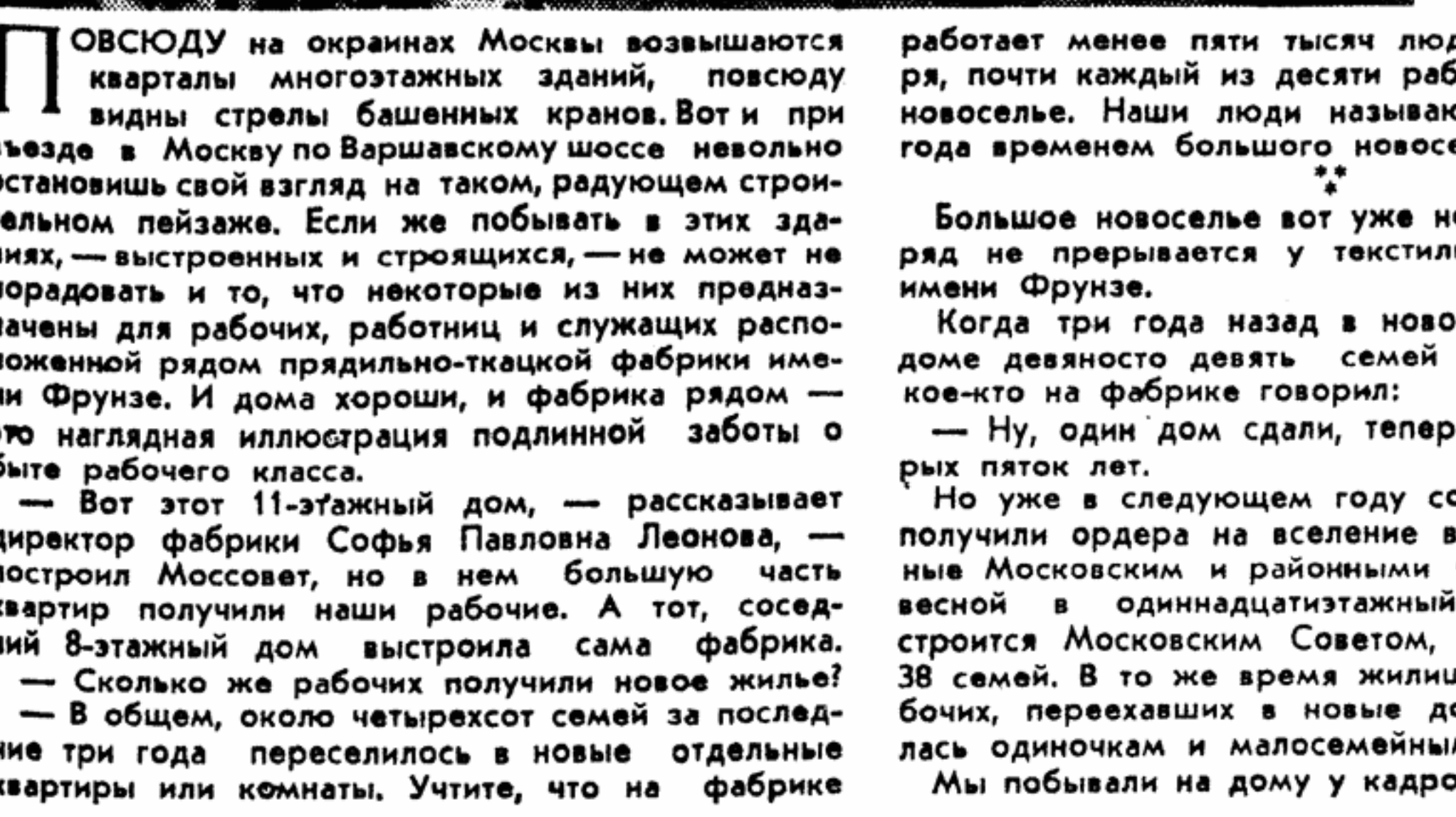
С. В. Смирнов, Е. Долматовский, С. Орлов, С. Липкин, Н. Доризо, В. Тушнова, В. Звягинцева, И. Кочаловская, Н. Гребнев, Е. Елисейко, Ю. Полунин, И. Андронников, Л. Лench, В. Гофманшвар, А. Девен, Н. Ласюковский вместе с кабардинскими и балкарскими литераторами выступили перед горячими знаменитого Тирнгузовского комбината, которые добывают цветные металлы на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, по соседству с великаном Эльбрусом. В селеении Сармаково Зольского района московских гостей встретила хлебом и солью старейшие жители селения.

Со всей сердечностью принимали московских литераторов и в колхозе «Трудовая гора» Баксанского района. Колхозный клуб не смог вместить всех желающих, и литературный вечер был проведен на широкой зеленой площади. Здравницы в честь дружбы и братства народов, в честь Коммунистической партии и Советского правительства чередовались со стихами, русская речь сменялась кабардинской и балкарской.

Московские писатели посетили народного поэта Кабардино-Балкарии колхозника Амриана Халвачева, награжденного в юбилейные дни орденом Ленина.

С большим успехом прошли творческие вечера писателей И. Андронникова, Е. Долматовского и С. В. Смирнова.

Е. БЕРЕЖНОЙ
На снимке: дом на Варшавском шоссе, в котором работает фабрика имени М. В. Фрунзе получили 37 квартир.
Фото Ю. Иванова

ПОВСЮДУ на окраинах Москвы возвышаются кварталы многоэтажных зданий, повсюду видны стрельчатые башенки кранов. Вот и при въезде в Москву по Варшавскому шоссе невольно останавливаш свой взгляд на таком, радующем строительном пейзаже. Если же побывать в этих зданиях, — выстроенных и строящихся, — не может не порадовать и то, что некоторые из них предназначены для рабочих, работниц и служащих расположенного рядом прядильно-ткацкой фабрики имени Фрунзе. И дома хороши, и фабрика рядом — это наглядная иллюстрация подлинной заботы о быте рабочего класса.

БОЛЬШОЕ НОВОСЕЛЬЕ

ПОВСЮДУ на окраинах Москвы возвышаются кварталы многоэтажных зданий, повсюду видны стрельчатые башенки кранов. Вот и при въезде в Москву по Варшавскому шоссе невольно останавливаш свой взгляд на таком, радующем строительном пейзаже. Если же побывать в этих зданиях, — выстроенных и строящихся, — не может не порадовать и то, что некоторые из них предназначены для рабочих, работниц и служащих расположенного рядом прядильно-ткацкой фабрики имени Фрунзе. И дома хороши, и фабрика рядом — это наглядная иллюстрация подлинной заботы о быте рабочего класса.

Вот этот 11-этажный дом, — рассказывает директор фабрики Софья Павловна Леонова, — построил Московск, но в нем большую часть квартир получили наши рабочие. А тот, соседний 8-этажный дом выстроила сама фабрика. — Сколько же рабочих получили новые жилища! — В общем, около четырехсот семей за последние три года переселились в новые отдельные квартиры или комнаты. Учтите, что на фабрике

Международная художественная выставка

ПРАВО от Главного входа в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького, в павильонах, где уже не раз за последние годы демонстрировались достижения зарубежных стран в различных областях экономики и культуры, идет подготовка к открытию Международной выставки изобразительного и прикладного искусства. Ее участниками будут молодежь сорока стран мира.

Большинство экспонатов находится еще в пути. Но уже сейчас, по тем произведениям искусства, которые прислали, можно судить о том, как развита творческая направленность, по творческим методам, по форме. Помимо картин, скульптур, гравюр, литографий, плакатов, посетители выставки познакомятся с различной утварью, костюмами, архитектурными макетами, изделиями из керамики, бронзы, серебра, дерева, волоса, тканей и множеству других предметов художественного творчества. Лучшие из экспонатов, участвующих в конкурсе, будут удостоены золотых, серебряных медалей и дипломов.

В павильонах, еще пахнущие краской после только что закончившегося ремонта, прибывают все новые и новые посылки из Китая, Венгрии, Финляндии, Греции, Японии, США. Число их с каждым днем растет.

Первыми привезли в Москву выставку изобразительного искусства представители германской демократической молодежи.

Две выставки прибыли на днях из Англии. Наряду с молодежью, советских зрителей пожелали познакомиться со своими произведениями и представители старшего поколения мастеров, они прислали отдельную выставку — шестьдесят работ.

Много экспонатов поступает из различных стран от отдельных художников. Прибыли пять картин молодого американского художника Фредерика Смита. Среди них — «Концерт Сергея Прокофьева». Три картины цейлонского художника Сомабанду привез из Колумбо дизель-электроход «Обь». Художник лично явился к советским морскаям с просьбой передать свою посылку в адрес выставочного комитета. Особенно богатым обещает

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

ДУДУ гости... Сколько радости и сколько хлопот доставляет это событие, это событие, которое в июле радует миллионы людей! Ведь надо и встретить гостя приветливо, и накормить сытно и вкусно, и занять его, и устроить ему удобный ночлег... Все забот не перечтешь!

Если речь идет о приезде не двух, не трех, а нескольких десятков тысяч гостей?

Пройдет еще две недели, и над Москвою вспыхнут яркие огни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Тысячи юной и деушек примут участие в этом грандиозном празднике.

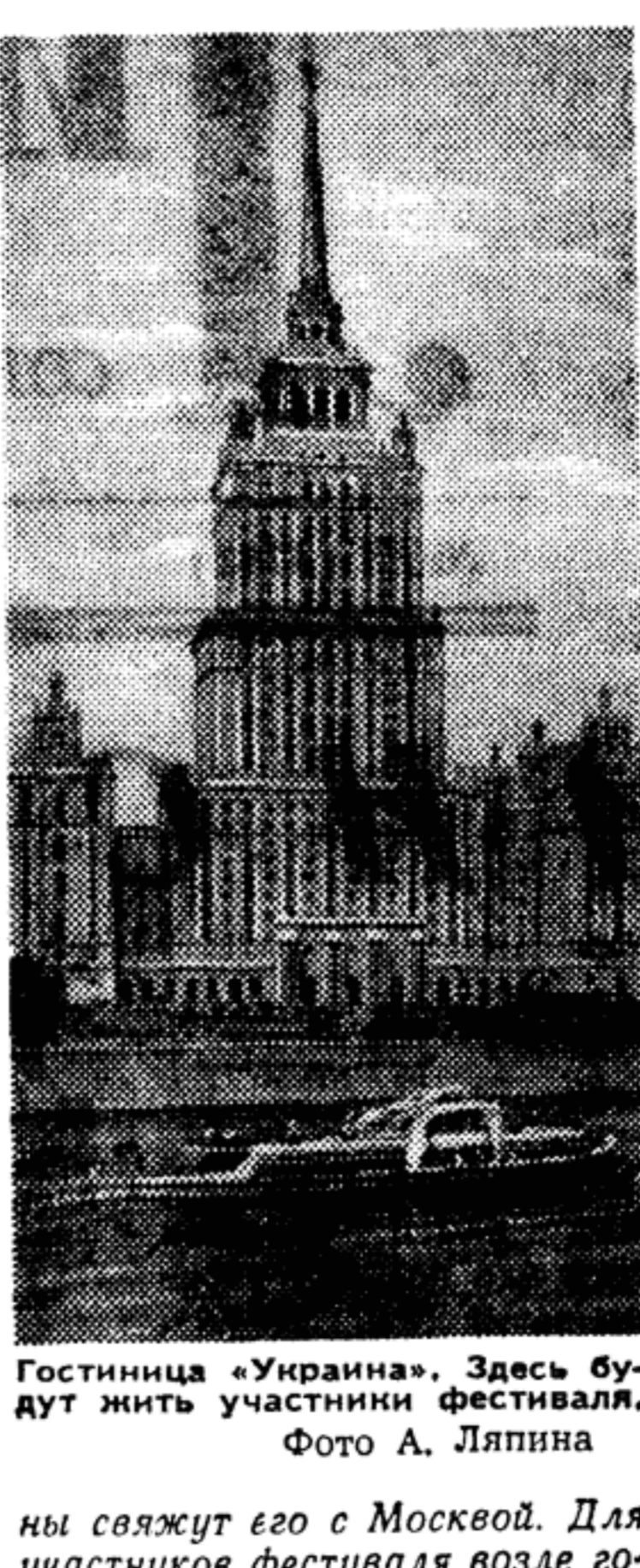
Как мы их встретим? Где они будут жить? Готов ли наш «дом» — московские гостиницы — к приему гостей?

...Задумайтесь об этом из живописнейших уголков столицы — в район Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Нет, не узнать этих мест даже и тому, кто не был здесь хотя бы с прошлого лета! Окрест все иное, новое. Куда девались замкнутые пустыри, невзрачные покосившиеся домишки? Крутым ковером зеленые цветочные клубы, ровные шережки причудливых кустарников, налитые соком и полукруглые цветочные шапки. А садовники и цветоводы — их тут сейчас множество! — все подносят и подносят новую рассаду.

Как ручейки, в разные концы растекаются от шоссе удобные асфальтированные дорожки. Куда ведут они? К каким зданиям?

Эта корпуса благоустроенных гостиниц, построенных в последнее время. Вот один, второй, третий, десятый, пятнадцатый корпус... Не случайны московские горбистые названия этих мест! «Горбком гостиниц»: их здесь всего 53, и в каждой их может разместиться 500 человек. Если прибавить к этому обслуживающий персонал, наследица «Города гостиниц» будет составлять около тридцати тысяч человек, — чем не город?

Многочисленные автобусы, троллейбусы, легковые маши-

Гостиница «Украина». Здесь будут жить участники фестиваля. Фото А. Ляпина

на любой вопрос, дадут нужный совет.

Каждый участник фестиваля захочет, конечно, увидеть на родине какой-нибудь московский сувенир. Такую памятную вещь можно будет приобрести, не выйдя из гостиницы: в ее просторных открытых для сувенирных киосков. Вещи, которые здесь продаются, напоминают о Москве не только потому, что куплены в нашей столице, — большинство из них оформлено рисунками на фестивальные темы, с изображением различных, наиболее примечательных московских пейзажей, зданий, памятников. Такими сувенирами выданы к фестивалю на 110 миллионов рублей!

Начальник управления по эксплуатации высотных домов и гостиниц Мосгоссплокома Л. С. Макасов рассказал нам: «Работники всех столичных гостиниц немало потрудились над тем, чтобы создать для приезжающих на фестиваль все необходимые удобства. То, что вы видели в «Украине» и на ВСХВ, можно увидеть всюду. Делегаты, гости и иностранные туристы будут размещены в 150 постояных и временных гостиницах. Все они в основном уже отремонтированы, оборудованы. Приведена в готовность гостиница «Ленин». Недавно в ней открыты кафе, а на днях вступил в строй ресторан — один из самых больших и комфортабельных в Москве. Реконструированы, отремонтированы гостиницы «Киевская», «Москва», «Северная», «Европа», «Урал» и другие, при которых также имеются буфеты, кафе, рестораны.

Всего же в столице для участников фестиваля выделено 9 ресторанов, 87 столовых, множество кафе, закусок, ресторанов.

Заканчивается благоустройство и озеленение прилегающих к гостиницам площадей. Обслуживать участников фестиваля будут около 20 тысяч горничных, уборщиц, телефонисток, администраторов. Многие из них на различных курсах изучают иностранные языки, повышают свои специальные знания. Они встретят гостей, как хорошие, заботливые работники, как самые искренние друзья.

Н. НАУМОВ

ЕДИНСТВО

(Юнчане. Начало на 1-й стр.)

Недавно подверглись всенародному обсуждению и были законодательно утверждены новые формы руководства нашей огромной и все разрастающейся промышленностью, формы, более гибкие, обеспечивающие участие народа в управлении хозяйством.

Мы видим, что в результате последовательной и принципиальной борьбы партии с культа личности И. В. Сталина и с последствиями этого культа политическое сознание нашего народа поднимается на более высокую ступень.

Великую силу этого подвига мы особенно ощутили именно в последние дни, когда три члена Президиума и один кандидат в члены Президиума ЦК КПСС встали на путь антипартийного сговора и попытались запереть все то положительное, что было сделано после XX съезда партии.

Но зачеркнуть это невозможно, потому что достижения эти очевидны всему народу и стали его достоянием. На XX съезде была дана исчерпывающая и глубокая оценка всему предшествующему периоду нашего развития, и никому не удастся логическими измышлениями и бессовестной демагогией вернуть нас к вчерашнему дню, так же как никому не удастся толкнуть наш народ на ревизию самых основ советского строя и нарушить навеки сложившееся единство партии и народа.

Четверо людей, облеченных высоким доверием партии, попытались ошельмовать все то, что сделано в нашей стране после XX съезда, и пустились на политическую авантюру. Затеявая антипартийный сговор, они не учли все те существенные и положительные изменения, которые произошли в нашей стране за последние годы. Они не учли могучей коллегияльной силы Ленина Центрального Комитета партии. Именно этот высочайший авторитет-

ный орган быстро и круто пресек деятельность кучки расколывков, пытавшихся внести сумятицу в огромную созидательную работу Коммунистической партии. И из всех избранных XX съездом, коммунистов, членов Президиума ЦК, не нашлось ни одного, кто поддержал бы фракционеров!

4. В один из тихих ненастных дней начала июля пошел я побродить по старым переулкам Замоскворечья. Помнюсь мне, что тогда-то, еще в двадцатых годах, можно было с Икманки через проходной двор пройти прямо к Москве-реке, и я пошел искать этот двор. Но здесь все изменилось, на месте гнилых заборов и старых сараев поднялись многочисленные здания, только большой двор, сейчас занятый асфальтом, остался прежним да сохранился старый особняк, на одном из сплошных окон которого была приклеена записка: «Детский сад высказ на дачу. Дети здоровы и шлют привет своим родителям».

Улыбаясь, перечел я эту непритязательную записку, и мне вспомнилось, как на днях, среди будничной суеты широкой Дорогомиловской улицы и Можайского шоссе, среди потока легковых автомобилей, грузовиков со строительными материалами и огромных фурунов, предназначенных для перевозки хлеба и мяса, показался вдруг вереница автобусов, украшенных красными флагами. Весь транспорт остановился, уступая дорогу этим автобусам, милиционеры отдавали им честь. А поза стекляных окон автобусов видны были любопытствующие и приветливые детские лица. Дети махали руками, и все, кто в то время был на улицах: и водители множества автомобилей, и дворники в белых фартуках, и продавцы мороженого и фруктов — все провозгласили эти автобусы какими-то особенным взглядом. Автобусы эти были все равно что стихотворная строфа в разностроенной и деловой звучавшей поэме, они были поэзией нашей жизни, они напоминали о чем-то главном и сокровенном.

«Шлют привет своим родителям...» II мне представил и с I эти родители, рабочие и работницы заводов и фабрик Москвы, продавцы в магазинах, бухгалтеры и дворники — весь рабочий люд столицы, до революции не имевший никакой возможности вывезти летом детей за город и с первых же лет Советской власти получивший эту возможность.

Оно, это завоевание, прочно вошло в распорядок советской жизни, обросло обычаями. На некоторых предприятиях Москвы, например, ребята, раньше чем послать в автобус и отправить в лагерь, проводят по всем цехам завода, где за станками трудятся их родители и старшие братья, словно для того, чтобы дети не забывали о чем-то очень важном. Да и взрослые на этом путешествии по заводу напоминают о том, о чем забывать не следует.

Мы, люди старшего советского поколения, об этом всегда помним, и не можем не помнить. Мой отец был врачом золотопромышленного района на Южном Урале, и я сопровождал его в поездках по приискам. Я видел своими глазами, как ужасно унижительно и оскорбительно тяжело жили рабочие. И теперь, когда я вижу, как рабочие семьи выезжают в прекрасные и светлые квартиры с газом, электричеством и центральным отоплением, я радуюсь этому и вижу в этом торжество тех идей, ради которых прожитая жизнь.

События июльских дней 1917 года в Петрограде явились, как известно, поворотным пунктом в развитии нашей революции от буржуазно-демократической к социалистической. Они были вызваны острим недовольством масс политикой Временного правительства, не сумевшего разрешить ни одного из жизненно важных для народа вопросов.

В июле 1917 года реакция, опираясь на поддержку эсеро-меньшевистского ЦИКа, попыталась расправиться с революционными силами в Петрограде, удашить революцию, не гнушаясь предательством и прямой изменой. Корниловцы во главе с Керенским намеревались сдать Петроград, открыв путь немецкой флоте.

По зову большевистской партии, по зову Ленина рабочие столицы, балтийские матросы грудою прикрыли Петроград и не позволили русской буржуазии, аступившей на путь прямого сговора с мировой буржуазией, подавить назревшую социалистическую революцию в России. О героизм-балтийцев и повествовал киносценарий ленинградского писателя А. Зиновьева «Балтийская слава», отрывок из которого мы сегодня печатаем.

В центре сценария — образ матроса Лютюва, постепенно приходящего к сознанию правоты большевиков.

Автор сценария — участник демонстрации 3(16) июля 1917 года. В публикуемом ниже отрывке массовые сцены, по существу, являются зарисовками с натуры.

ОСОБИЯК Икесинской. Тесно, накурено, шумно.

Руководители военной организации партии дают поручения делегатам частей гарнизона:

— Ведите свою колонну к Таврическому дворцу, — напутствует Еремеев пулеметчику и тут же инструктирует другого солдата: — Не поддавайтесь на провокацию... — Немецкину, сейчас же доставить и, по возможности, закрепить блокнот на его спину, пишет приказ в воинскую часть.

— Сегодня, сейчас, о восстании не может быть и речи, — спокойно возражает подошедший Свердлов.

Звучит сильный, немного горланый голос Ленина.

— Еще раз повторю: пока мы в меньшинстве в Советах, до тех пор задача партии — вести терпеливую пропаганду в массах. Ленин вытирает влажный лоб платком и оглядывается вокруг: возле него уже собралось несколько десятков слушателей.

— Владимир Ильич! Это вот — большевик, член Центрбюро, — представляет Викхарева Антонов-Овсенко. — Он прирлепен к штабу, и у него имеются сведения об угрожающем положении на Балтике.

— Так, так... Давайте! — потолкуем! — Ленин берет Викхарева под руку и направляется с ним в конец коридора.

Матрос пытается говорить по возможности спокойно, но это ему не удается.

— Нам, центробюроцам, Владимир Ильич, враги жить не дают: штабные псами рычат, а эсеры и меньшевики им поддаиваются: «Большевики, мол, изменили!» А сами расщипывают путь немецкому флоту на Питер... Мы расщипывали секретный приказ, в котором излагается так называемый план Ренгартена. Это не что иное, как умышленное уничтожение всего Балтийского флота... Ленин несколько мгновений пристально смотрит на матроса и затем распаивается перед ним дверь в кабинет.

— Входите!.. И, пожалуйста, подробнее сформируйте меня...

События июльских дней 1917 года в Петрограде явились, как известно, поворотным пунктом в развитии нашей революции от буржуазно-демократической к социалистической. Они были вызваны острим недовольством масс политикой Временного правительства, не сумевшего разрешить ни одного из жизненно важных для народа вопросов.

В июле 1917 года реакция, опираясь на поддержку эсеро-меньшевистского ЦИКа, попыталась расправиться с революционными силами в Петрограде, удашить революцию, не гнушаясь предательством и прямой изменой. Корниловцы во главе с Керенским намеревались сдать Петроград, открыв путь немецкой флоте.

По зову большевистской партии, по зову Ленина рабочие столицы, балтийские матросы грудою прикрыли Петроград и не позволили русской буржуазии, аступившей на путь прямого сговора с мировой буржуазией, подавить назревшую социалистическую революцию в России. О героизм-балтийцев и повествовал киносценарий ленинградского писателя А. Зиновьева «Балтийская слава», отрывок из которого мы сегодня печатаем.

В центре сценария — образ матроса Лютюва, постепенно приходящего к сознанию правоты большевиков.

Автор сценария — участник демонстрации 3(16) июля 1917 года. В публикуемом ниже отрывке массовые сцены, по существу, являются зарисовками с натуры.

ОСОБИЯК Икесинской. Тесно, накурено, шумно.

Руководители военной организации партии дают поручения делегатам частей гарнизона:

— Ведите свою колонну к Таврическому дворцу, — напутствует Еремеев пулеметчику и тут же инструктирует другого солдата: — Не поддавайтесь на провокацию... — Немецкину, сейчас же доставить и, по возможности, закрепить блокнот на его спину, пишет приказ в воинскую часть.

— Сегодня, сейчас, о восстании не может быть и речи, — спокойно возражает подошедший Свердлов.

Звучит сильный, немного горланый голос Ленина.

— Еще раз повторю: пока мы в меньшинстве в Советах, до тех пор задача партии — вести терпеливую пропаганду в массах. Ленин вытирает влажный лоб платком и оглядывается вокруг: возле него уже собралось несколько десятков слушателей.

— Владимир Ильич! Это вот — большевик, член Центрбюро, — представляет Викхарева Антонов-Овсенко. — Он прирлепен к штабу, и у него имеются сведения об угрожающем положении на Балтике.

— Так, так... Давайте! — потолкуем! — Ленин берет Викхарева под руку и направляется с ним в конец коридора.

Матрос пытается говорить по возможности спокойно, но это ему не удается.

— Нам, центробюроцам, Владимир Ильич, враги жить не дают: штабные псами рычат, а эсеры и меньшевики им поддаиваются: «Большевики, мол, изменили!» А сами расщипывают путь немецкому флоту на Питер... Мы расщипывали секретный приказ, в котором излагается так называемый план Ренгартена. Это не что иное, как умышленное уничтожение всего Балтийского флота... Ленин несколько мгновений пристально смотрит на матроса и затем распаивается перед ним дверь в кабинет.

— Входите!.. И, пожалуйста, подробнее сформируйте меня...

События июльских дней 1917 года в Петрограде явились, как известно, поворотным пунктом в развитии нашей революции от буржуазно-демократической к социалистической. Они были вызваны острим недовольством масс политикой Временного правительства, не сумевшего разрешить ни одного из жизненно важных для народа вопросов.

В июле 1917 года реакция, опираясь на поддержку эсеро-меньшевистского ЦИКа, попыталась расправиться с революционными силами в Петрограде, удашить революцию, не гнушаясь предательством и прямой изменой. Корниловцы во главе с Керенским намеревались сдать Петроград, открыв путь немецкой флоте.

По зову большевистской партии, по зову Ленина рабочие столицы, балтийские матросы грудою прикрыли Петроград и не позволили русской буржуазии, аступившей на путь прямого сговора с мировой буржуазией, подавить назревшую социалистическую революцию в России. О героизм-балтийцев и повествовал киносценарий ленинградского писателя А. Зиновьева «Балтийская слава», отрывок из которого мы сегодня печатаем.

В центре сценария — образ матроса Лютюва, постепенно приходящего к сознанию правоты большевиков.

Автор сценария — участник демонстрации 3(16) июля 1917 года. В публикуемом ниже отрывке массовые сцены, по существу, являются зарисовками с натуры.

ОСОБИЯК Икесинской. Тесно, накурено, шумно.

Руководители военной организации партии дают поручения делегатам частей гарнизона:

— Ведите свою колонну к Таврическому дворцу, — напутствует Еремеев пулеметчику и тут же инструктирует другого солдата: — Не поддавайтесь на провокацию... — Немецкину, сейчас же доставить и, по возможности, закрепить блокнот на его спину, пишет приказ в воинскую часть.

— Сегодня, сейчас, о восстании не может быть и речи, — спокойно возражает подошедший Свердлов.

Звучит сильный, немного горланый голос Ленина.

— Еще раз повторю: пока мы в меньшинстве в Советах, до тех пор задача партии — вести терпеливую пропаганду в массах. Ленин вытирает влажный лоб платком и оглядывается вокруг: возле него уже собралось несколько десятков слушателей.

— Владимир Ильич! Это вот — большевик, член Центрбюро, — представляет Викхарева Антонов-Овсенко. — Он прирлепен к штабу, и у него имеются сведения об угрожающем положении на Балтике.

— Так, так... Давайте! — потолкуем! — Ленин берет Викхарева под руку и направляется с ним в конец коридора.

Матрос пытается говорить по возможности спокойно, но это ему не удается.

— Нам, центробюроцам, Владимир Ильич, враги жить не дают: штабные псами рычат, а эсеры и меньшевики им поддаиваются: «Большевики, мол, изменили!» А сами расщипывают путь немецкому флоту на Питер... Мы расщипывали секретный приказ, в котором излагается так называемый план Ренгартена. Это не что иное, как умышленное уничтожение всего Балтийского флота... Ленин несколько мгновений пристально смотрит на матроса и затем распаивается перед ним дверь в кабинет.

— Входите!.. И, пожалуйста, подробнее сформируйте меня...

Некоторые из марок, выпущенные к фестивалю прошлых лет, а также марки в честь VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Горный ветер

Поэтическое название новой повести Сергея Сартакова, рассказывающей о становлении характера комсомольца Кости Барбина — матроса с теплохода «Родина», о нарождающейся большой, чистой любви его к радистке Маше Терской, глубоко символично.

«Горный ветер», — сказала тихонько Маша. — Нигде не бывает такого: ни в степи, ни в лесу, даже над рекой. Мне всегда кажется: горный ветер — это как живая вода в скалах. Он обновляет человека».

Благотворный «горный воздух» нашей советской действительности, так художественно убедительно показанный в образах капитана теплохода, выскатанно-строгим Иваном Демьяновичем, замечательного пассажира, старого большевика — академика Ивана Андреевича Родина, а также матроса подружившегося с простым палубным матросом Костей Барбиным, в образе дружного комсомольского коллектива, и является той «живой водой», которая «освежает и обновляет человека».

В повести С. Сартакова пленяют читателя не только люди, молодые и старые, красивые какой-то особой, по-сибирски сдержанной и строгой, могучей духовной красотой, — пленяет и величественная природа Сибири. Со времен протопопа Аввакума, ехавшего из Москвы в ссылку в далекое Забайкалье и писавшего: «Горы высокие, дубры непроходимы... В горах тех обретаются змеи великие... На тех горах гуляют звери многие дикие», — о Сибири создается совершенно неверное представление, сочиненное любителями северной экзотики. Столетия зрели «равнинные клочки», отлучившие людей одним названием: «Сибирь».

Шестая пятитомная серия о сибиряках: Сибирь — именинница. Сотни тысяч юношей и девушек по призыву партии едут в Сибирь на целинные земли, на великие стройки; их влечет романтика трудных, героических дел. Но многих из них пугают «эпическими небывальщинами» о Сибири.

Молодежь должна знать этот богатейший, чудесный край. А он действительно чудесен.

Нельзя не привести слов Ленна, впервые встретившегося с Сибирью. Вот что он писал в письме к матери из Красноярска: «...здесь окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии...»

В этих то «окрестностях города», на знаменитых «Столбах», не уступающих по красоте Швейцарии, на теплоходе «Родина», совершающем многокилометровый рейс по реке Енисею, от Красноярска до беспредельных просторов тундры, и разворачиваются события повести Сергея Сартакова.

Писатель-сибиряк, влюбленному в свой край, ведущему повествование от лица комсомольца Кости Барбина, удалось перевоплотиться в образ своего главного героя: удалось проследить за духовной эволюцией Кости Барбина, выразить ее только ему, Косте, свойственным языком, временами достигающим большой яркости и лаконизма.

Как и автор, комсомолец Костя влюблен в природу Сибири и особенно в ее богатства. Описание сибирской тайги, красот Енисея — памятные странички повести: «Лучше Красноярца города для меня нету. Нет и реки, кроме Енисея. Притом еще такой кипучести. А быстрина в Енисее! Сила!». Посмотрите на карту. Какая еще река как раз поперек, от края и до края, всю страну пересекает? Нету другой такой реки. И главное, как пересекает? Кривулин Енисей не дает, вбуривается прямо в горы, в скалы, режет в тундрах вечную мерзлоту. Большой порог, Казанский порог, порог Осиновский — бей через камни напрямую! Смелые никогда не отступают и не отворачивают. Ближе к низовьям, что твое море, — берегов не выдать. В какую еще реку на тыся-

Сергей Сартаков. «Горный ветер». Повесть. «Октябрь», М. 2-3, 1957.

Памяти Чехова

Чехов нежно любил Москву. «Я навсегда москвитин», говорил он себе. В Москву он приехал совсем юным, по окончании гимназии в Тагаре. В стенах Московского университета пролились его студенческие годы. В Москве развилось гениальное дарование Чехова. На московской земле он похоронен. Мыслим читателя связи с Чеховым и Москвой. В библиотеке имени В. И. Ленина хранится обширное собрание рукописей писателя. Его литературное и эпистолярное наследие недавно обогатилось новыми материалами — личным архивом системы писателя Марии Павловны Чеховой, привезенный из Ваты после ее смерти. Как известно, Мария Павловна несла свой арест, чрезвычайно важный и важный для исследований жизни и творчества А. П. Чехова, завещала Ленинской библиотеке.

Вчера москвичи отметили 53-ю годовщину со дня смерти великого писателя. Дом-музей на Садово-Кудринской улице устроен в связи с этой датой после отчуждения двора. Собираются прослушать сообщение на тему: «Чехов в Москве» произведения писателя в исполнении мастеров художественного слова.

Н. П.

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОГО РОМАНА

Седьмой год вы выпускаете «Библиотеку советского романа». Она была и будет издательством, где бы в ответ на требования читателей дать лучшие произведения советского писателя в хорошем оформлении, с иллюстрациями, в которых бы были раскрыты образы его героев, обстановка, в которой они действуют.

За эти годы у собирателей книги сложилось особое шестидесятилетие этой серии — от романа Гавриловича, «Молодежь», Фурманова, А. Толстого до произведения «Волны», опубликованные в последние советские годами А. Ермолаев, Д. Дубинский, Д. Шарнинов, Н. Шибельтов и другие в качестве иллюстраций и фотомонтажа в создании «Библиотеки советского романа».

В прошлом году Гослитиздат выпустил в этой серии первую книгу тетралогии Ф. Гладкова «Волны». В издательстве «Литературная» в продаже вторая книга тетралогии «Волны» — иллюстрация И. Пономарева (один из них мы печатаем сегодня). В плане 1958 года — третья книга тетралогии — «Лихая година».

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

КРЫЛАТАЯ МУДРОСТЬ

«Меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость».

Так пишет Михаил Шолохов в своем иррациональном предисловии к недавно выпущенному Гослитиздатом сборнику «Пословицы русского народа» В. Дала. Классический труд В. Дала, выходящий в тридцать тысяч экземплярах, включает в себя, как вы знаете, около трех тысяч пословиц и поговорок, метких слов, присловий и т. п., потребовавших десятков лет упорной собирательской работы. Сам Пушкин, по словам В. Дала, детально обработал Дала, переиздавая вместе с ним его собрание и пополняя своими сообщениями. Подробно рассказывает В. Даль об этом своем труде в «Напутном» — предисловии к изданию «Пословицы русского народа». Будет ли когда-нибудь опубликован этот, с которым собиратель познакомился еще в детстве, труд, как вы с делом конечным, не хочется покинуть его без напутного словечка.

В том же издательстве по тексту принятых изданий, напечатаны и «Напутное», типичный лист сборника, изданного в 1962 году в ленинградском издательстве И. Пономарева (один из них мы печатаем сегодня), и большая статья проф. В. Чищева о В. Дале.

МОИМ СОВАТОРАМ

Не завершил ни последний стих,
Не сотворил ни стихотворения,
Когда бы всех соавторов своих
Я позабыл хотя бы на мгновение:

И песен колыбельных первый звук,
Слов материнских ласковую силу,
Учительня добрую, как друг,
Она мне тайны азбуки открыла;
Ровесников я помню голоса,
И шепот первых книг у изголовья,
И в душу заглянувшие глаза,
Блещущие надеждой и любовью;
И топот скакунов среди полей,
И переливы солнечного света,
И ропот одиноких топей,
И их звезда — великого поэта *.

О дойна, одиночества сестра,
Чьи ступни ветер молодости трогал!
О перелески древнего Диестра,
И в перелески вильшная дорога!

Но дни ныне в памяти встают,
Живут, зовут в степные дали...
Родился я, когда и Диестр, и Прут
Народными слезами закипал.
Еще я первых слов не произнес —

* Имеется в виду знаменитое стихотворение классика молдавской и румынской литературы М. Эминеску.

Мой взгляд увидел зарево пожара:
Судьба непреклонно, как убитая,
Постановил наши в Татарбунары **.
Мои друзья-ровесники с тех пор
Токуту из безвременных могил:
Кровь их отцов, их братьев и сестер
Постыжеское зная обгряла.
Они тебе спасли, спасли меня
В лихом году, пожарами одетом,
И до конца, до тробового дня,
Мне не забыть, мне не забыть об этом.

Да разве можно перечислить здесь
Соваторов моих? Ведь так же просто
В полях былинах до единой сестры,
И в небесах необоримых — звезды,
Не сестры сердца, что в снеговой пыли
Меня сорвали жаром откровений,
Не сестры солнца, что убергли
От пропасти ошибочных сомнений,
И я кели шел, о свиданях не моля,
Я к цели шел, мужая и робея...

Как солнцу всем обязана земля,
Так, Партия, обязан всем тебе я.

Людей тысячелетия мечта,
Ты — ключ бойцам, на штурм, вперед
Идуцим,
Весь мир тебе обязан навсегда
Днем нынешним и солнечным —
Грядущим.

И коль мне посчастливится сложить
Такую книгу, что поможет людям,
Твоя Партия, огонь в ней будет жить,
Твоя вечный свет торжествовать в ней будет!

ПИСЬМА ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Молодежи мы должны внимательно, непрерывно и любовно помогать на трудовом пути, избранном ею, но не следует торопиться «делая их писателями».

М. Горький.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Оказывается, это классический тольстоский афоризм, справедливым в тысячах случаев, совершенно несправедлив, когда его пытаются применить к творческой семье писателей. Больно того: здесь все выглядит, как говорится, «наоборот».

Живут на Дальнем Востоке две семьи, две красивые писательские организации: хабаровская и приморская. Одной четверть века от роду, другая не насчитывает еще и десятка лет. Она — давно сложившаяся и окрепшая, другая — еще вся в организационных исследованиях. У одной огромное подполье — журнал, другая пока что довольствуется изданием альманаха.

И как раз может быть, поэтому в «счастье» своем (если под писательским счастьем понимать радость творческих удач, признание широкой читательской масс, рождение новых интересных и значительных книг, — какое же еще счастье может быть у литератора?) они очень различны. Книжки многих хабаровских писателей давно уже стали достоянием большой, союзной литературы, книжки же приморцев в большинстве популярны пока только в пределах собственной родины.

А вот если говорить о «несчастье» — о том, что мешает жить, работать, что нужно улучшить, менять и переделывать, то, оказывается, тут очень много общего: обе организации болеют одними и теми же болезнями, печатаются одними и теми же печатницами. У этих болезней, когда их суммируешь, обнаруживаются одно название: недостатки в воспитании писательских кадров — в воспитании тех, кто сам призван воспитывать.

О них-то — эти болезни и, разумеется, далеко не все исчерпывающие заметки. Об этом, во многом справедливо, уже писали не так давно в «Литературную газету» и сибиряк С. Сартаков, и уральцы Н. Попова, Л. Татьяничева. Разговор хочется продолжить.

В Приморском книжном издательстве прошло недавно обсуждение рукописи романа молодого прозаика Александра Ш. Роман — о работнике завода, об их творческих исканиях и неустанном новаторстве. Роман большой — добрых двадцать печатных листов; по теме — это как раз то, о чем давно мечтают и в красном отделении Союза писателей, и в редакции альманаха, и в самом издательстве. И тем не менее люди, пришедшие на это обсуж-

ВОСПИТАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

Редакторы и писатели, — чувствовали себя скорее сконфужено, чем образованно, и работнику, руководившему ходом обсуждения, пришлось не раз выговаривать: — Ну, товарищи, кто же еще выкажется?!

Причина этой всеобщей неловкости — в предистории книги. В первоначальном варианте она обдумывалась лет шесть-семь назад. Уже тогда всем было ясно, что, кроме самой темы, в произведении нет ровным счетом ничего интересного и значительного, что автор не обладает главным: умением видеть жизнь глазами художника. Но автор-то молодой! Но тема-то актуальна! И вот тогда решено было «помочь» Александру Ш. По возможности добросовестно (в чем, увы, оказался неудачен и автор этих строк) произведение причесали, приладили, убрали лишнее неграмотные страницы и заменили их более или менее приемлемыми, слали рукопись в альманах и облебенно вздохнули: доброе дело сделано, молодому литератору оказана практическая помощь.

Повесть (тогда это была еще только повесть) напечатаны, читателями она была встречена довольно холодно (на иной мир, собственно, и рассчитывать не приходилось), — на этом можно было бы поставить точку, если бы не одно печальное обстоятельство. Дело в том, что Александр Ш. поверил, что он и в «самом деле» уже писатель. А как же иначе? В газетных рецензиях его как раз так и именуют, на литературных вечерах так и титулуют, товарищи на службе поздравляют: вот видишь, ты уже и писатель вышел!..

И вот эти шесть-семь лет работы, еще четыре-пять вариантов все разрастающегося произведения, бессонные ночи автора. Тщательно восстановлены автором страницы и главы, ранее выброшенные редакторами. А книги-то нет! Книжки нет, но сказать автору, что всего вероятнее, ее у него никогда и не будет, уже как-то нехорошо. Да и просто боятся: а вдруг погасит неграмотную искру вдохновения в молодом даровании?

И Александр Ш. продолжал «оказывать помощь»: расходов огромную в общей сложности энергии, вновь и вновь перечислял варианты его рукописи, и писал бесчестные «закрытые» рецензии, которые, пожалуй, могли бы теперь составить фольклор, не меньший по объему, чем сам роман; давали читать рукопись поочередно всем наиважившим из Москвы более опытным литераторам (те, в силу деликатности, не дочитывали рукописи, ссылались на другие, неотложные дела).

И все это вместо того, чтобы было прямо, открыто сказать: знаешь, хороший ты человек, но ничего у тебя не получается... Забываясь, любовное отношение к каждому росту таланта — один из главных заветов Горького. Но не сам ли Горький с беспощадной прямотой указывал в своих «Беседах о ремесле»: «Когда юноша, написав тощую книжечку весьма обыкновенных стихов или не совсем удачных рассказов, именует свою «продукцию» «творчеством», это звучит очень по-детски и смешно в стране, где рабочий класс... в условиях невероятно трудных, нудящими ведет колоссальную работу мирового значения». Не сам ли Горький в «Беседах» говорил: «Если ты становишься литератором, ты должен понять: литература — дело глубоко ответственное».

К сожалению, случай с Александром Ш. — далеко не единственный. Могут вспомнить такие же случаи и в хабаровской, и в приморской организациях, когда из чувства ложной понимаемой гуманности, из стремления к неверно толкуемой «чуткости» так и оставались невысказанными трудные, но необходимые слова правды!

Не отсюда ли такое обилие в периферийных писательских организациях авторов-однодневок? На Дальнем Востоке читатели назвали бы десятки имен, которые, прозвучав однажды, больше не появлялись. Автор целиком паразитировал в своем первом произведении. А дальше? Умения заглядывать в завтрашний день начинающего писателя, видеть за его пер-

В БОРЬБЕ ЗА СЧАСТЬЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

фигурой. Автор не говорит нам о дальнейшей его судьбе, но мы верим, что он может найсти себе место в трудовой семье народа.

А вот образ Кульничко, «падного на блинскую промову и одежу», коммуниста «из левых», для которого крестьяне — всего лишь мелкобуржуазная стихия, вышел у М. Стелымаха поверхностями. Только приметы, только внешние и притом карнатурные признаки рисует нам на этот раз автор... Впрочем, Кульничко — единственная не совсем живая фигура в романе...

Живописные и поэтические богатства украинского оригинала заставляют особенно болезненно почувствовать, что опытный переводчик В. Россель на этот раз сделал перевод значительно ниже своих возможностей.

Вот три небольших примера. М. Стелымаха: «— Нема хліба, нема сала, тільки збори та вистави... Денисенко прямо з Варчуков-у цю переполню Миронову. — Що там? — гожданув, наче колесом, головою в бік села».

В Россель: «— Не пьем, не едим, зная на митингах галдим (никак не украинский афоризм) — В. Л., — Денисенко прямо из руки Вачука перехваляет врет руку Миронов. — Что там? — гойданув, наче колесом, головою в бік села».

Еще: М. Стелымаха: «Все життя їхні чорні руки трудилися біля золотого зерна».

В Россель: «Всю жизнь их заскорупленные (?) руки вырабатывали золотое зерно».

И еще: М. Стелымаха: «По стіни світлиці Союзенка посідились по-

глядом обводит присутних останній царь на портрете».

В Россель: «Улыбается (?) в светлице Союзенка лишь последний царь на портрете».

Кстати, о переводах с украинского... Легкость этих переводов — минималь, и, пожалуй, ни с одного языка у нас не переводят так скверно: слишком часто преподносит читателю торпильный, небрежный подстрочник, в котором нет и поминка о поэтической силе, о живописном богатстве украинского оригинала. А между тем с украинского языка можно было бы перевести с наибольшим сохранением подлинника — его интонацию, его поэзию. Еще до революции в Киевском университете близ Диканьки вошли в русскую литературу украинская речевая интонация и многие украинские, понятные сегодня любому читателю. А разве не развили в наши дни эту традицию Э. Багратион, В. Катаев, К. Паустовский и другие? Зачем же вместо перевода, передающего все языковое своеобразие украинского текста, выдумывать какие-то невероятные «колесообразные шевелюры»?

Впрочем, вернемся к роману М. Стелымаха.

Мы немало писем и говорим о мастерстве композиции и сюжетности развития, причем за последние десятилетия далеко не XIX век! Конечно, русский реалистический роман того времени — одна из вершин мировой литературы. Но ведь творческая практика современных мастеров постепенно создает новые принципы, новую поэтику. Вот и роман М. Стелымаха...

Прежде всего в нем нет ни завязки, ни конца. Кончается гражданская война на Украине, но в последних главах мы видим, как воляется и снова что-то

готовят бежавшие за границу петлюровцы, видим, что остались неразоблаченными кулак убийцы Сичарь и Варчук. Автор как бы говорит читателю: борьба продолжается, еще много вперед и тяжелого, и трудного. Эта незавершенность не обязательна М. Стелымаха потому, что он повествует не о развитии характера одного человека и даже не о столкновении и борьбе характеров нескольких людей. Писатель создает широкую картину Украины в переломный момент, когда народ решительно порывает с буржуазными националистами, продавшими родину иностранцам. Автор говорит, что еще могут враги сидеть, что еще надо работать, еще могут зайти еврейской кровью, засеять костями, но вряд ли будут жить на ней. Вряд ли! Да, нет, — не будут! Ибо уже почуял крестьянин свой долгоджиданный надел, понял хлебороб, что только советская власть стоит за него, за его труд, за его счастье. Разочарование в националистах глубоко и верно передано автором в эпизоде раскаяния и возвращения домой петлюровского сотника Даниила Подопригоры. Есть в романе и сцена, когда «батка» Палилюба заявляет своей банде, что решил перейти в красную и, чтоб заглядеть вину перед баткою, сражается против Врангеля...

В книге М. Стелымаха очень много действующих лиц, и значительная их часть так и не приходит в непосредственное столкновение друг с другом. И петлюровский подполковник Погуба, и плшюн Бараболя, и атаман Палилюба даже не встречаются с коммунистами Миршочинско, но читатель ни на минуту не забывает, что именно такие люди, как Миршочинский,

и вот когда анализируешь повседневную работу двух очень различных между собой, но соседствующих на Дальнем Востоке писательских организаций, невозможно направляется один вывод: отсутствие системы, дальней перспективности и последовательности в основном и необычайно важном деле воспитания молодых писателей — вот что мешает литераторам-дальневосточникам в их повседневной работе.

Да и одним ли дальневосточникам? ХАБАРОВСК — ВЛАДИВОСТОК

И вот когда анализируешь повседневную работу двух очень различных между собой, но соседствующих на Дальнем Востоке писательских организаций, невозможно направляется один вывод: отсутствие системы, дальней перспективности и последовательности в основном и необычайно важном деле воспитания молодых писателей — вот что мешает литераторам-дальневосточникам в их повседневной работе.

Да и одним ли дальневосточникам? ХАБАРОВСК — ВЛАДИВОСТОК

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В числе книг, выпускаемых издательством «Советский писатель» в нынешнем году, особенно стоит выделить книгу 40-летия Советского государства. Это лучшее произведение советской литературы — как новое, так и переизданное. Оно посвящено разложению волягавлемая партией борьбы народа за социалистическую революцию, становление Советской власти, гражданская война, важнейшие этапы истории советского общества.

Сюжеты из этих книг уже вышли в серии «Дневники» — «Дневники» М. Пришвина, «Дневники» Г. Гладкова «Энергия», Г. Маркова «Строитель» и воспоминания Садридина Ани «Бузари». В ближайший роман Л. Леонова «Барсуки» и другие книги.

ДНЕВНИКИ М. ПРИШВИНА

В течение пятидесяти лет вел свои дневники Михаил Михайлович Пришвин. О том, как много значило для него это дело, можно судить по одной из его записей, относящейся к 1951 году: «Наверно, это вышло по моей литературной найновости (в литературе) что я главный силы свои посвятил тому, чтобы писать свои дневники».

Из дневников 1946-1950 годов и состоит книга «Глаза земли», выпущенная на днях издательством «Советский писатель» посмертным изданием. М. Пришвина успел окончательно отрецензировать рукопись, но вошедшие в книгу материалы систематически зированы автором по тем, что делал: «Борги и долги» — обращение писателя к «неведомому другу» — читателю: «Будущая», посвященная различным вопросам искусства, творчества, общественной жизни, и «Зерцало человека» — размышления о природе и человеке.

В кратком авторском вступлении, начинающемся записью: «Вот путь моя был из одиночества в людей». М. Пришвин пишет: «Мелькает мысль, чтобы бросить все лишнее, машину, ружья, собак, фотографии и заняться только тем, чтобы есть и писать книгу о себе со всеми всеми дневниками».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 85 16 июля 1957 г.

Завтра в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР прибывает с дружественным визитом Его Величество король Афганистана Мухаммед Захир Шах. На снимке — Мухаммед Захир Шах.

АФГАНИСТАН — страна афганцев — издавна славится мудростью и силой духа своего смелого народа. Славная история афганцев насчитывает не века, а тысячелетия.

Индия. Колониализм был тогда в зените своего могущества, и его зловетя тень нависала над многими странами мира. Колониальные державы, казалось, обезумев от жадности, стремились захватить весь мир, подчинить себе все народы, присвоить плоды их тяжелого труда.

свободу — они хотят сами вершить судьбы своей родины, самостоятельно мыслить и действовать. Любя независимость, афганцы считают свободу естественным и законным правом всех народов и стран мира.

Нейтралитет — традиционная политика Афганистана. Афганцы считают, что только таким путем они могут улучшить свою жизнь, достигнуть высокой степени развития, которое веками задерживалось многочисленными бедствиями, обрушившимися на них.

Осуществление грандиозного плана ирригационных работ в долине Гильменда поможет обеспечить орошаемой землей два с лишним миллиона кочевников.

ПО ГОРОДАМ ФЕСТИВАЛЯ

ВСЕГДА ЖИВОЙ ПРАЗДНИК

Бухарест... Город, где четыре года назад встретились на фестивале молодежи и студентов представители более чем ста стран.

Вот почему молодежи нашей страны и весь наш народ стараются сейчас проявить со всей силой свою волю к миру и дружбе не на словах, а в созидательном труде.

ЖАРА в Карловых Варах смешивалась приятной прохладой. Если лица входящих в кинотеатр, где проходит X Международный кинофестиваль, освещаются довольными улылками, то лица выходящих из зала часто выражают разочарование.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

Юза рабочей молодежи. Нельзя обйти молчанием и бесчисленные подарки, которые готовят наши пионеры. Они мастерицы национальные костюмы для кукол, румынские вышивки, пояса, альбомы с фотографиями, рассказывающими о красоте нашей природы.

НЕТ слов, которые могли бы передать энтузиазм, октавший румынскую молодежь в дни подготовки к Московскому фестивалю. Об этом не скажешь в простой зарисовке репортера, в которой нет перспективы, нет осязаемой связи с прошлым и с будущим, заключенной во все начинающих в честь VI Всемирного фестиваля.

Потому мы и не ведем речи о цветах, которые увянут, о гирляндах, которые осыплются, о печальных вздохах, которые обычно сопровождают конец веселого праздника. Нет. Мы говорим о живых делах, которые служат великому делу, делу дружбы и мира, делу утверждения новой жизни, которая по своей природе против войны и разрушения.

МНЕ ХОЧЕТСЯ познать комитет читателей «Литературной газеты» с теми из моих журналистских заметок, которые рассказывают, что увидят участники фестиваля в программе румынского делегации.

Молодые москвичи, побывавшие в Бухаресте на IV Всемирном фестивале, например, запомнили танец «Перинца», ставший своего рода символом дружбы молодежи. Этот танец изображен в двух работах наших молодых художников, которые участвовали в национальном конкурсе изобразительного искусства в честь фести-

ва в Москве, есть и другие замечательные работы. Некоторые из них были выскоены на различных выставках изобразительного искусства.

Пьер Жан Беранже

В ПОСЛЕДНИЕ дни июля 1830 года Париж покрылся баррикадами. Восставший народ вступил в бой с королевскими войсками, и улицы города, окутанные пороховым дымом, огласили криками: «Долой Бурбонов! Да здравствует свобода!»

— восклицал поэт, обращаясь к новым хозяевам своей родины. Жирные улочки, презирающие бедняка, и червь, «ропщущийся в июльский зной» и грызущие корни Франции, — вот в ком увидел он теперь врагов обездоленных масс («Литтик» и «Червь» — названия двух великодушных песен Беранже, созданных в этот период).

от колыбели до могилы: они рассказывают о тяжелой жизни крестьян, солдат и рабочих, они скорбят о страшной участи тех, кто обречен несправедливым социальным строем бродяжничать, протягивать руку за подаянием или скитаться в поисках работы.

Реакционная критика на Западе и в России старалась исказить революционный смысл творчества Беранже. Критики из прогрессивного лагеря иначе рассуждали его поэзию. Великий русский поэт Беранже называл его великим народным поэтом Франции и подчеркивал политическую направленность его творчества.

Даже пост-романтик и либеральный политик Ламартин признавал, что «песни Беранже были теми патриотами, которыми народ страдал в июльские дни». Эти песни звали к борьбе, предсказывали гибель реакционного режима. Их распевала вся Франция еще до того, как они появились в печати, и вполне прав был Беранже, когда писал о себе: «В наше время я, пожалуй, единственный писатель, который мог бы стать популярным без помощи типографии».

Поэта пытались подкупить пенсией и почетом (это повторялось при всех правительствах, которые сменяли друг друга при жизни Беранже), во время Реставрации дважды сажали в тюрьму и приговаривали к длительным штрафам, — он оставался непреклонным. «Пусть они сделают Францию несчастливой, и я буду воспевать ее бесплатно», — говорил он о тех, кто хотел перенять его на сторону власти и мущин. С ними ему было не по пути.

О, как чванливы, как жрицы Вы, слизняки моей страны!

Все творчество Беранже, тесно связанное с традицией

Заметки о кинофестивале в Карловых Варах

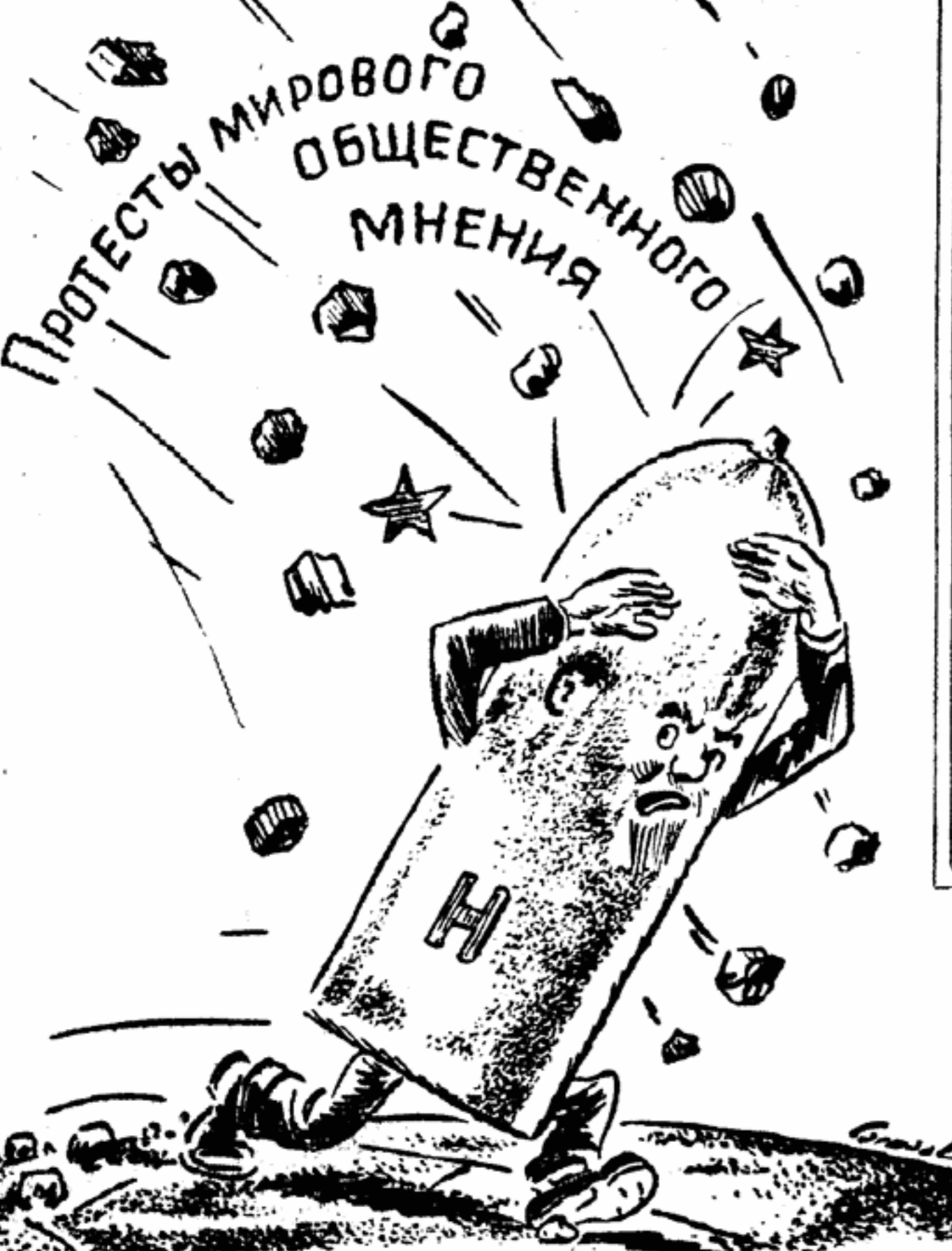
Десятый международный...

ЖАРА в Карловых Варах смешивалась приятной прохладой. Если лица входящих в кинотеатр, где проходит X Международный кинофестиваль, освещаются довольными улылками, то лица выходящих из зала часто выражают разочарование.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

— А еще говорят о радиотехнических осадках... Бр-р! Рисуют художники картинку из американской газеты «Кристен сэйенс мониотор».

Остриательное впечатление произвела на меня западногерманская картина «Принятия авантюриста Феликса Круля» по последнему роману великого писателя-гуманиста Томаса Манна. Технические качества фильма — фотография, запись звука — превосходны. Сценаристу удалось очень ловко завершить сюжет незавершенного Манном романа. Режиссер Курт Гоффман показал себя опытным профессионалом, а исполнитель главной роли Хорст Бухгольц — одаренным, красивым и обаятельным актером.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

Снова порадовали зрителей югославы. Их второй фильм — «Проклятые деньги» — рассказал о том, как жители маленькой деревни нашли здесь запас бумажных денег бывшего королевского правительства.

ЗДРАВЫЕ РАССУЖДЕНИЯ НОРМАНА КУЗИНСА

вищим воображением нужно обладать, чтобы связать слово «чистый» с устройством, которое может воспламенить горючее водородное топливо. Когда говорят о «чистой» бомбе, имеют в виду, что мы сможем создать бомбу с значительно меньшей способностью вызывать радиотехнические осадки. Но называть водородную или любую бомбу «чистой» — это значит непристойно смеяться над словами».

Авторы иронически замечают, что в США еще будут применять термин «чистый» солнечного света для измерения количества радиации, которая подвергается людям в результате ядерных взрывов, дабы вызвать впечатление, будто нечто прекрасное и поразительно полезное входит в жизнь людей. Между тем достаточно хорошо известно, какое вредное, пагубное влияние оказывает она на человеческий организм. «Прикрывать красивые

денежные газеты об этой встрече говорилось, что ученые требовали продолжения ядерных испытаний в течение пяти лет. Они говорили, что им нужно это время для создания «чистой» водородной бомбы, действующей без реакции деления. Это сообщение вызвало всеобщее возмущение, будто это было тем извращением, в котором ждал извращения, в общении ничего не говорилось о том, что весь мир ждет не усовершенствованных способов производства «чистой» водородной бомбы, а более совершенных средств избавления от грязных войн».

Неужели они надеются, что заряды ядерного оружия не будут расти до тех пор, пока само их существование не вызовет военной паники? И отвечает: нельзя превратить в лабораторию весь мир. Именно потому, что мы не можем сказать ничего точного и определенного о будущем, нужно установить контроль над оружием массового уничтожения...»

Анализируя сложившуюся обстановку, автор рассуждает весьма здраво и реалистично: «Эти три ученых не выступают от имени всего правительства, но факт их визита в Белый дом говорит, вероятно, о том, что политика правительства развивается в духе их рекомендаций. Если это так и если мы проводим политику неограниченных испытаний и, тогда нынешние переговоры о разоружении бесплодны, ибо президент уже раньше заявлял, что любое запрещение ядерных испытаний должно

быть связано с запрещением ядерных вооружений. Поэтому, если мы настаиваем теперь на продолжении испытаний, это означает лишь то, что само разоружение обречено на провал».

Каков же вывод? «Страшнее всего то, — пишет Норман Кузинс, — что мы фактически заявляем, что не хотим того, чего требуют все народы мира, — конкретных и определенных действий для установления контроля над средствами ядерного уничтожения. Ничто другое не может так повредить нашей безопасности, как предоставление, будто наше желание установить контроль над вооружением — это только слова. Советская Россия обвиняет нас в неискренности. Если мы подтвердим это обвинение своими действиями, мы нанесем урон на международной арене, который не компенсируется никаким количеством водородных бомб, какими бы «чистыми» они ни были».